

УСИЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА – ПОТРЕБНОСТЬ ВРЕМЕНИ

Данные, публикуемые в средствах массовой информации в последние годы, свидетельствуют о катастрофическом падении доверия населения к органам уголовной юстиции. Во многом это объясняется ослаблением, а то и прямой утратой позиций государства в таких значимых сегментах правоохранительной деятельности, как уголовное судопроизводство, административная, оперативно-розыскная и уголовно-исполнительная деятельность. Не ослабевает и тенденция расслоения российского общества, звучащие с трибун официальные призывы «борьбы с коррупцией» частенько декларативны, поскольку не подкрепляются адекватными политическими, экономическими, законодательными и организационными мерами. В то же время существенное уменьшение социального напряжения, единение общества возможно, по нашему мнению, через снижение коэффициента отторжения населением нашей уголовной юстиции. Именно здесь, что очевидно при здравом рассуждении совпадают цели государства и отдельной, подчеркнем, **добропорядочной и законопослушной личности**.

Как этого добиться? Рецепт нами усматривается в усилении государственного влияния и общественного контроля в области деятельности органов, ведущих уголовный процесс.

Вторая составляющая (общественный контроль) сегодня практически отсутствует, благодаря усилиям разработчиков УПК РФ, «вычистивших» народный элемент из текста действующего кодекса. Небесспорная тенденция резкого ограничения участия общественности в деятельности по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел не согласуется с признанными мировыми стандартами, закрепленными в целом ряде международных документов, где государствам предлагается создать справедливую, ответственную, этичную и эффективную систему уголовного правосудия, предусматривающую максимально широкое участие населения в ее функционировании. Об этом же самом, кстати, постоянно говорит и Президент Российской Федерации Д.А. Медведев.

Весьма серьезные аргументы за существенное укрепление народного элемента в сфере уголовной юстиции можно отыскать в кандидатской диссертации Н.П. Исаевой, успешно защищенной, с нашим участием

* © Азаров В.А., 2010

Азаров Владимир Александрович – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

в качестве официального оппонента, 18 ноября 2009 года на заседании диссертационного совета при Южно-Уральском государственном университете¹. Отметим, что эта добротная диссертация «вышла» из известной своими достижениями научной школы профессора З.Д. Еникеева, признанного авторитета уголовно-процессуальной теории, с которым нас связывают давние творческие и дружеские отношения.

Что же касается публичности, то здесь представляется аксиомой вывод: от решения вопросов, связанных с данным феноменом, зависит, каким, по сути, будет отечественный уголовный процесс, и насколько эффективно он справится с решением поставленных государством задач.

Понимание теорией уголовного судопроизводства содержания публичности неоднозначно, что можно увидеть в целом ряде монографических исследований. С момента принятия УПК РФ о публичности подготовлено и защищено около полутора десятков кандидатских и докторских диссертаций. В непосредственном обсуждении нескольких из них принимал личное участие в качестве официального оппонента автор настоящей статьи. Отдельные результаты состоявшейся на заседании диссертационных советов полемики предлагаются заинтересованному читателю.

В частности, 9 июня 2006 года в диссертационном совете при Уральской государственной юридической академии А.С. Барабаш успешно защитил докторскую диссертацию «Публичное начало российского уголовного процесса»². В целом высоко оценив представленную работу, мы изложили автору свои сомнения, заключавшиеся в следующем:

1. Соглашаясь с выводом А.С. Барабаша о том, что публичность (как, впрочем, и состязательность) не может рассматриваться в ранге принципа уголовного процесса, а означает нечто большее (по утверждению автора — начало, лежащее в основе конкретной модели процесса), категорически возражим автору, утверждающему, что **«упомянутые начала находятся за рамками процесса»** (с. 16, 54–55, 58).

Как публичность, так и состязательность, имея в основе социально-политические корни, тем не менее **непосредственно отражаются и присутствуют** как в законодательстве, так и в практической деятельности участников уголовного процесса. Уголовно-процессуальный закон, сообразно конкретной модели уголовного процесса, содержит в себе отдельные компоненты того или другого начала. Данные элементы прямо отражаются в нормах наиболее общего характера, фиксирующих цели, задачи, принципы судопроизводства.

2. Вряд ли можно согласиться и с утверждением автора, в соответствии с которым **«...публичность ... нельзя сводить к обязанностям органов государства по установлению события преступления, изобличению лица, его совершившего»** (с. 54–55).

Дело в том, что публичное начало **прежде всего** предполагает официальную и неоспоримую обязанность государства по защите своих граждан от преступных проявлений. В сфере уголовного процесса к этому добавляется необходимость государственной защиты прав и свобод всех участвующих в деле лиц. Реализоваться же данные прерогативы в состоянии лишь через реагирование государственных представителей на каждый случай преступления, что признается не частным, а именно публичным, государственным делом. С такой постановкой, кстати, соглашается и сам автор, давая повод для упрека в непоследовательности (см. абзац первый на с. 54 диссертации).

3. Представляется сомнительным вывод о том, что «в рамках предварительного расследования у прокурора не может сформироваться внутреннее убеждение по вопросу о виновности обвиняемого в инкриминируемом ему обвинении» (с. 91).

Внутреннее убеждение, как известно, имеет своим фундаментом совокупность доказательств, подтверждающих (или опровергающих) выводы органа предварительного расследования. Если обвинительных доказательств в уголовном деле, с точки зрения прокурора, достаточно, он утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд. Туда же прокурор приходит не для осуществления надзора, как утверждает А.С. Барабаш (см. с. 91–92), а для поддержания государственного обвинения, будучи убежденным в причастности подсудимого к преступлению. Иное предопределяет диаметрально противоположное решение прокурора на этапе ознакомления с результатами предварительного расследования: решение о прекращении уголовного дела.

4. Вызывает возражения предположение А.С. Барабаша: «Вывести из уголовно-процессуального оборота понятие «истины» как цели деятельности» (с. 183).

По нашему мнению, законодатель напрасно воспользовался советом А.С. Барабаша и изъял из текста УПК РФ категорию «истина». Ошибочность обсуждаемой позиции очевидна, поскольку в уголовном процессе можно рассчитывать на правосудное решение исключительно на основе достоверного установления действительных обстоятельств криминального события. Об этом, кстати, свидетельствуют и сформулированные в УПК РФ требования к судебному приговору, и содержание ст. 73 УПК РФ, предлагающей правоприменителю практическую схему обстоятельств, подлежащих установлению при производстве по уголовному делу. Категорию «истина» надлежит не «вывести из уголовно-процессуального оборота», а восстановить в тексте УПК РФ с тем, чтобы правоприменитель вновь обрел правильные ориентиры для практической деятельности и не утруждал себя размышлениями о целесообразности

достоверного установления обстоятельств, имеющих значение для правильного решения по уголовному делу.

5. На наш взгляд, А.С. Барабаш безосновательно не соглашается с уважаемым профессором Л.Я. Драпкиным, оценивающим содержание ст. 73 УПК РФ в ранге «предмета доказывания» (с. 190–191).

Такая оценка содержания ст. 73 УПК РФ (вслед за ст. 68 УПК РСФСР) традиционна. В названных статьях кодекса перечислены именно обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, с чем, кстати, соглашается и сам соискатель (см. с. 198, 199 и др. работы). Данная совокупность обстоятельств в теории уголовного процесса получила, по нашему мнению, адекватное наименование: «предмет доказывания». Вместе с тем, как представляется, упомянутые обстоятельства при их интерпретации в виде результата доказательственной деятельности вполне могут рассматриваться в ранге ее цели.

6. Недостаточно убедительна и аргументация А.С. Барабаша, в силу которой «относимость не есть неотъемлемое свойство доказательств» (с. 21, 309, 311).

Возражая против такой постановки, заметим, что обязательным атрибутом полноценного доказательства считает данное свойство законодатель (см. ст. 88 УПК РФ). Это абсолютно оправданно, поскольку отсутствие связей оцениваемого доказательства с элементами предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) низводит его до уровня непригодных, так как оно безразлично к обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

В действительности, относимость – неотъемлемое свойство судебных доказательств, равное по значению допустимости и достоверности.

7. А.С. Барабаш предлагает оригинальную и в целом заслуживающую внимания редакцию статьи, регламентирующей назначение современного уголовного процесса России (с. 162). Вместе с тем в пункте первой части второй предлагаемой статьи отсутствует, по нашему мнению, весьма значимое положение.

В частности, автор полагает, что уголовный процесс должен использоваться как средство «...раскрытия и судебного рассмотрения» каждого факта совершенного преступления (с. 162).

Во-первых, раскрытие преступления может состояться исключительно в ходе **расследования** о нем уголовного дела, в силу чего вряд ли оправдано исключение из арсеналов уголовного процесса упомянутого фрагмента деятельности уполномоченных субъектов.

Во-вторых, в абсолютном большинстве случаев расследования уголовных дел публичного обвинения именно результаты **досудебного** производства позволяют организовать полноценное его рассмотрение по существу.

Спустя три года после защиты А.С. Барабашем докторской диссертации, в том же диссертационном совете при УрГЮА, состоялась успешная защита докторской диссертации М.Т. Аширбековой. Тема ее диссертации: «Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия»³. Диссертационный совет согласился с оценками официальных оппонентов, посчитавших, что работа М.Т. Аширбековой содержит совокупность новых научных результатов, имеющих внутреннее единство, свидетельствующих о ее завершенности и личном крупном вкладе автора в науку. Вместе с тем нами в адрес соискателя были высказаны следующие возражения:

1. В целом положительно оценивая позицию М.Т. Аширбековой о принципиальной возможности ухудшения положения осужденного, оправданного и лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, считаем сомнительными и неопределенными **критерии**, предложенные для определения законности, обоснованности и справедливости ревизуемого приговора. В частности, допущенные нарушения (с точки зрения автора) должны быть признаны судом надзорной инстанции «искажающими суть правосудия и смысл приговора» (с. 22).

В такой постановке данный критерий, в силу своей неопределенности, сам нуждается в дополнительных разъяснениях. Категории «смысл приговора» и «суть правосудия» дискуссионны, толкуются совершенно неоднозначно.

2. Вызывает возражения вывод М.Т. Аширбековой «о существовании иерархии принципов уголовного процесса, представляющей собой двухуровневую систему» (с. 16, 42). При таком подходе подвергаются сомнению признанные в теории оценки, блестяще аргументированные профессором В.М. Савицким, утверждавшим, что принципы нельзя делить на группы, классифицировать, устанавливать среди них иерархию. Это закономерно приведет к появлению более (или менее) значимых положений, что само по себе неприемлемо. Принципы уголовного процесса в системе **равны между собой**, каждый из них самоценен, они гармонично дополняют друг друга, среди них нет более или менее значимых.

3. Самобытна и убедительна выстроенная в диссертации теоретическая модель содержания публичности (с. 16). Вместе с тем в структуре данного феномена, на наш взгляд, следовало бы отыскать место для крупного компонента публичности, зафиксированного в ст. 21 УПК РФ. Коль скоро публичность, с точки зрения М.Т. Аширбековой, «работает» и на судебном этапе уголовного судопроизводства, то на досудебной его части **квинтэссенцией публичности** как раз и является **обязанность** прокурора, следователя и дознавателя от имени государства осуществлять уголовное преследование лиц, виновных в совершении преступлений. Что же

касается таких направлений деятельности на досудебном производстве властных субъектов, как расследование и правозащита (с. 17, 60–61), то они осуществляются параллельно с уголовным преследованием, имея собственное содержание и свою роль в структуре публичности.

4. Вряд ли правильно утверждение М. Т. Аширбековой о том, что «привлечение лица в качестве обвиняемого не означает, что с этого момента оно привлекается к уголовной ответственности» (с. 189). Привлечение к уголовной ответственности, исходя из предписаний УПК РФ, достаточно продолжительная процедура, состоящая из ряда этапов. Завершается она обращением вступившего в законную силу приговора к исполнению и его фактическим исполнением. **Но начало привлечения лица к уголовной ответственности как раз таки связывается именно с привлечением лица в качестве обвиняемого.** С момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (обвинительного акта) реализуется функция обвинения в отношении конкретного лица, привлекающегося к уголовной ответственности.

5. Представляются ошибочными выводы М. Т. Аширбековой о том, что «процессуальный порядок деятельности в стадии возбуждения уголовного дела абсолютно (выделено мной. — В.А.) подчинен принципу публичности, поскольку на этом этапе уголовного процесса частные лица не представляют стороны» (с. 120), а потерпевший выполняет функцию частного обвинения, не являющуюся уголовным преследованием (с. 136).

В такой постановке не учитываются особенности процессуальной деятельности субъектов при возбуждении уголовных дел частного и частно-публичного обвинения.

Принцип публичности в таких производствах не просто «отодвигается в тень», он практически полностью вытесняется антитезой — принципом диспозитивности, который диктует существенную специфику процедуры в стадии возбуждения уголовного дела частного и частнопубличного обвинения (ст. 20, 318–319 УПК РФ). К тому же законодатель в ст. 20 УПК РФ прямо относит к **видам уголовного преследования** деятельность потерпевшего, заявившего о совершенном в отношении него преступлении.

6. Небесспорны выводы М. Т. Аширбековой о том, что «субъекты, ведущие досудебное производство, становятся в полной мере стороной обвинения лишь в одном случае — в случае осуществления судом контроля в досудебном производстве» (с. 138).

Следователь и дознаватель, прямо (и, на наш взгляд, ошибочно) причисленные в гл. 6 УПК РФ к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, тем не менее эпизодически буквально наделяются прерогативами данной стороны, к примеру — в момент предъявления

обвиняемому обвинения, составления обвинительного заключения (обвинительного акта).

Представленными в докторских диссертациях А.С. Барабаша и М.Т. Аширбековой разными оценками публичности не исчерпывается весь спектр взглядов отечественных процессуалистов на содержание данного феномена. Есть и еще один оригинальный подход, в соответствии с которым публичность — это и начало, и принцип уголовного судопроизводства⁴.

Такой широкий диапазон мнений о существовании публичности российского уголовного процесса свидетельствует о многозначности обсуждаемого явления, дискуссия вокруг которого способствует его более глубокому изучению и адекватному (а значит — более «мощному») отражению в законодательстве и практике расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Примечания

¹ Исаева Н.П. Актуальные вопросы участия общественности в уголовном судопроизводстве. Уфа, 2009.

² Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006.

³ Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Волжский, 2009.

⁴ См.: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

*Ю.К. Орлов**

О ПОНЯТИИ ЦЕЛЕЙ (НАЗНАЧЕНИЯ) УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Любая человеческая деятельность преследует достижение каких-то целей, имеет свой смысл, назначение. Это целиком относится и к уголовно-процессуальной деятельности. Цели уголовного процесса могут быть разнообразными, и поэтому возможна и необходима их какая-то градация, деление по определенным признакам. Так, можно выделить цели конечные и промежуточные. Промежуточные цели представляют собой этап в достижении конечных, необходимую предпосылку такого достижения. Например, установление обстоятельств дела (или

* © Орлов Ю.К., 2010

Орлов Юрий Кузьмич — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина